

**СМИРНОВ
СЕРГЕЙ
АЛЕВТИНОВИЧ**

Главный научный сотрудник
Института философии
и права СО РАН, доктор
философских наук.

Новосибирск, Россия.

Главный редактор
гуманитарного альманаха
«Человек.RU».

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

УДК 101.9

ИСПЫТАНИЕ М. М. БАХТИНЫМ

Аннотация. В работе предлагается отнести Бахтина к особой категории авторов, которых можно назвать поворотными авторами, или реперными авторами. Встреча с творчеством этих авторов становится для их читателей серьезным испытанием. Последнее означает прежде всего испытание, по терминологии самого Бахтина, Большим временем.

Радикальность и глубина проникновения позволила самому Бахтину пережить испытание временем, испытание другими идеями и школами мысли, забвением и новым возрождением.

Автор статьи рассматривает Бахтина именно как такого поворотного, реперного автора, носителя и вестника так называемого антропологического поворота. Последний представляет собой не просто смену повестки или смену объекта исследований (вместо познания природы или языка – познание человека), но прежде всего установление нового начала, возрождение через приобщение к онтологическому истоку. Автор полагает, что собственно настоящий поворот в истории мысли предполагает не смену повестки, а новое приобщение к живому истоку. Такое понимание поворота было задано еще в античности, когда было введено понятие и феномен эпистрофы, то есть обращение и возвращение к началу.

Ключевые слова: Бахтин, начало, эпистрофа, возрождение, поворот, антропологический поворот, испытание.

Sergey A. Smirnov

Institute of Philosophy and Law of the SB RAS

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

TEST BY M. M. BAKHTIN

Abstract. The paper proposes to classify Bakhtin as a special category of authors who can be called pivotal authors, or benchmark authors. An encounter with the work of these authors means a serious test for their readers. The latter means, first of all, a test, in Bakhtin's own terminology, by the Great Time.

The radicalism and depth of penetration allowed Bakhtin himself to survive the test of time, the test of other ideas and schools of thought, oblivion and a new revival.

The author of the article considers Bakhtin precisely as such a pivotal, benchmark author, the bearer and herald of the so-called anthropological turn. The latter is not just a change in the agenda or a change in the object of research (instead of knowledge of nature or language – knowledge of man), but above all the establishment of a new beginning, a revival through familiarization with the ontological source. The author believes that the actual turn in the history of thought presupposes not a change in the agenda, but a new familiarization with the living source. This understanding of the turn was set in antiquity, when the concept and phenomenon of epistrophe was introduced, that is, turning and returning to the beginning.

Keywords: Bakhtin, beginning, epistrophe, rebirth, turn, anthropological turn, test.

DOI: 10.47850/2410-0935-2025-20-122-133

© С. А. Смирнов 2025

Первая встреча с Бахтиным у меня состоялась в 1975 году, с подачи моего первого учителя в философии В. П. Тыщенко. Я со второго курса ходил на его философский кружок. И там впервые услышал это имя – Бахтин. В связке с Достоевским.

Именно в этом году он ушел из жизни. И вот все 50 лет я с ним продолжаю вести разговор.

В истории философской мысли бывали разные авторы. Есть авторы – аналитики, исследователи, внимательно и скрупулезно исследующие свой объект внимания. Есть пророки и романтики, зовущие в даль светлую, призывающие, провоцирующие, для них рамки научной мысли узки и тесны, им нужен простор воображения. Есть авторы – просветители, стремящиеся нести свое слово в массы, желающие улучшить словом испорченные нравы и направить в нужное русло общественное мнение. Есть дразнящие собеседники, всегда неожиданные, и ты не знаешь, что от них ждать в следующий момент в их новых творениях, парадоксальные, противоречащие сами себя. Они тебе показывают язык и корчат рожицы.

Михаил Михайлович Бахтин может быть разным. И тем, и этим. Он воспринимается и как дразнящий собеседник, и как мыслитель, и как исследователь, и как пророк. Но он не равен ни одной из этих ипостасей. Он и тот, и другой, и третий. И одновременно ни тот, ни другой, ни третий.

Для меня он – больше, чем автор. Больше, чем один из философов, мыслителей. Больше, чем автор книг, произведений. В своей жизни приходится читать и общаться со многими интересными собеседниками. Но среди них встречаются те, которые для тебя становятся не просто авторами интересных, глубоких или даже гениальных работ. Они становятся знаками, вехами Пути, реперными точками, ориентирами, на которые ты равняешься и по которым ты сверяешь свой путь. Эта сверка всегда становится испытанием. Ты обращаешься к ним не за очередной цитатой, не за справкой, не за информацией, чтобы использовать ее в очередной статье.

Встреча с Бахтиным – испытание. Проверка. Он всегда проверяет тебя на искренность, последовательность, ответственность. Очищает, снимает шелуху привычных штампов, оценок, интерпретаций.

Открывая книгу с его текстом, ты получаешь глоток свежего воздуха. На тебя накатывает поток чистой, точной и глубокой мысли. Сколько бы раз ты ни перечитывал уже заученный текст, он остается для тебя свежим неисчерпаемым истоком.

Есть такой знак в геодезии – репер. Это специально поставленный на возвышенном месте знак, с помощью которого делается разметка территории. Он выступает ориентиром для других, с его помощью проводится контроль за состоянием поверхности.

Бахтин – реперный автор. Через таких авторов производится в культуре генеральная проверка, контроль, глубинный мониторинг интеллектуального и культурного ландшафта. По нему другие авторы совершают ориентацию. Реперный автор размечает путь, с его помощью отмеривают временные вехи, замеряют временные отрезки Пути. По нему судят о Большом времени.

Через эту культурную разметку происходят замеры Большого времени. Такие реперные авторы сами становятся мериллом Времени. Через них говорит Время.

В этом смысле наша задача заключается не в том, чтобы уткнуться в Бахтина, упереться в него, превратив его в объект бесконечного комментирования. Задача заключается в том, чтобы через него начинать понимать и слышать Время и весь онтологический хронотоп пребывания Человека.

Не Бахтин – проблема, а то Время бытия, которое через него говорит.

Ему удалось разговаривать время. Как он и сам призывал – чтобы сами вещи заговорили на своем глубинном, не придуманном языке:

«Предмет гуманитарных наук – выразительное и говорящее бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении [Бахтин 1996: 8].

Еще точнее – ему удалось не просто высказаться про человека и время, но и предложить метод улавливания, – не точный инструмент схватывания, а некий требующий тонкой настройки барометр, с помощью которого можно было бы улавливать бесконечный, рождающийся в событии свершения смысл пребывания в мире, позволяющий осуществить ту самую искомую глубину понимания и проникновения [см. подр. Смирнов 2023].

Он совершил такое же действие, к которому призывал Э. Гуссерль, его глубинный собеседник – назад к самим вещам! Он проделал такое феноменологическое размыкание, чтобы вещи сами из себя заговорили изнутри.

Такое онтологическое смещение начало совершаться с начала XX века, его можно назвать началом антропологического поворота, героем и носителем которого был среди прочих и Бахтин, причем, как один из наиболее радикальных и глубоких авторов.

Поворот этот означал не смену повестки, не смену объекта исследования, а радикальное смещение оптики, «смену аспекта», за которыми стоит смена способа мысли и действия, что предполагало, на языке Бахтина, не изучение мира как вещи, «не точность познания, а глубину проникновения» [Бахтин 1996: 7].

В этом смещении нужно выделить два ключевых аспекта.

Первый. Был совершен переход от эссенциальной установки – к энергийной. Он означал отказ от представления мира и человека как готовых сущностей с заранее заданными свойствами, отказ от объектного, вещного, подхода – в пользу принятия позиции, согласно которой человек есть усилие быть, он пребывает в мире как событие, имеющее энергийную природу, не вещную. Он пребывает в мире других энергий, действий разных сущих, порождающих мир миров. В мире миров столько, сколько таких событийных свершений. В этом смысле человек не может быть объектом познания и формирования. Нет смысла его познавать и формировать. Ему надо создавать условия для того, чтобы он свершался как событие. И здесь в качестве метода выступает не вещное, объектное отношение, а глубина проникновения в событие свершения.

Второй, выступающий следствием первого. Это был сдвиг от доктринального, объектного мышления – к поисковому, к навигации, к выстраиванию траекторий и маршрутов, которые требуют уже своей точности и строгости.

Поисковый метод мышления не запрещает, а наоборот предполагает свою строгость и точность анализа и построения, необходимость своих инструментов навигации, среди которых бортовой журнал, дневник наблюдений, картоид, становятся ключевыми. Кстати, Бахтин понимал философию как строгую науку (опять со скрытой цитатой из Гуссерля), в отличие от бесконечного русского мыслительства.

Итак, в силу радикальности его ответа на вызовы, мои встречи с Бахтиным становятся для меня постоянным и повторяющимся испытанием. Испытанием в трех смыслах: испытанием и проверкой собственных идей и поисков, испытанием других концепций, учений и поисков, испытанием его самого как автора в Большом времени.

Прошедшие 50 лет со дня его ухода и, так получилось, со времени первых встреч с ним¹, показали, что при каждой проверке, весьма придирчивой и пристрастной, он всякий раз оказывался прав.

Все 50 лет у меня постоянно шла проверка, заключающаяся в том, чтобы отучить себя от желания цитировать Бахтина, использовать его как автора, на которого можно сослаться как на авторитет. Для него было важно другое – изменение тебя самого, превращение тебя из праздного читателя и объектно ориентированного исследователя-дознавателя – в сторону собственного свершения, в акте которого он становится для тебя просто умным посредником.

Бахтин – не справочник, не энциклопедия, куда можно было бы обратиться, списать, получить нужную информацию. Или использовать для нужной цитаты. К нему обращаешься не за готовым ответом, а за энергией мысли. За уроком терапии, дабы провести очередную чистку своего весьма загрязненного сознания. Он становится всегда-посредником – при обращении к Истоку.

Не за объективной истиной, не за точной информацией обращаешься к нему, а за чистой правдой мысли, ответственной и незаместимой.

Через него идешь к Началу. Новому другому началу. К новому возрождению.

Такое понимание выводит нас к необходимости вспомнить и обратиться к популярной теме в истории философии – теме поворотов.

Весь XX век демонстрирует обилие самых различных поворотов. Каждая научная школа, новое направление, дисциплинарная институция заявляет об очередном повороте, новой вехе, новой парадигме, причем, не только в истории философии, но и в истории человеческой мысли, в истории культуры [Смирнов 2025]. Аналитическая философия в разных версиях, прагматизм, экзистенциализм, феноменология в ее разных изводах, заявляли о новом повороте.

Помятуя о том, что мы называли Бахтина реперным, поворотным автором, через которого говорит Время, впору говорить о том, что потому он и был носителем и вестником нового антропологического поворота, о чем мы и сказали выше. Возникает соблазн записать Бахтина в очередной инвентарный список. Но что имеется ввиду?

¹ Одна из первых моих статей была посвящена сравнению философии И. Канта и структуры романа Ф. М. Достоевского. Материал я рассматривал через призму идей Бахтина [Смирнов 1986].

Г.-Г. Гадамер в предисловии к сборнику своих работ по герменевтике и эстетике для русских читателей заметил:

«Немецкая философия нашего столетия <...> характеризуется решительным поворотом – событием, которое в такой форме едва ли могло произойти в других странах Европы. Я имею в виду шаг, совершенный Гуссерлем и Хайдеггером, а также теми, кто учился у них. <...> это переход от мира науки к миру жизни <...>, выход за пределы научного факта должен был означать для Германии нечто совсем иное и почему в наши дни мы ждем от философии жизненного мира всей широты жизненного опыта и его оправдания, его прояснения и обогащения» [Гадамер 1991: 7].

Это было написано им в конце жизни, в 1990 году. В другой работе он вспоминал:

«Мои студенческие годы пришлось на эпоху, когда Европу вследствие первой мировой войны начинал захватывать процесс всеобщей провинциализации <...>. Мир потерял ориентиры. Нам нужны были новые идеи, практически же мы были ограничены внутринемецкой сценой <...>.

Помог Хайдеггер. Одни благодаря ему поняли, кем был Маркс, другие – кем был Фрейд, а все мы в конце концов поняли, кем был Ницше. Мне же благодаря Хайдеггеру открылось, что теперь мы можем “повторить” философскую мысль греков. <...> На примере Платона и Аристотеля стало возможным учиться тому, что любое философское мышление есть дальнейшее продумывание изначального опыта мира. <...> Тогда Аристотель и Гегель, Кант и Хайдеггер, Уайтхед и Витгенштейн – примечания к Платону, участники бесконечного диалога. <...> То, что привело Хайдеггера с его мышлением к “повороту”, можно было описать как пограничный опыт нашего самопонимания <...>. Философствование не начинается с нуля – ему надлежит возвращать язык философии, отчужденный от сказующего смысла своей речи, к высказыванию того, о чем идет речь» [Гадамер 1991: 9–14].

Фактически Г.-Г. Гадамер указал на определенную историческую ситуацию, которая нуждалась в повороте, означающем онтологическую оглядку назад и вглубь, попытку совершения нового шага через возвращение к началу и переосмысление основ мира, начиная с древних греков, обращение к базовым вещам, основам, пограничному опыту, чем занимались всегда в истории философии.

Фактически первая четверть XX века была такой серией возвратов к началу: назад «к самим вещам», к бытию, к новому началу, к истоку, к сути вещей. Тем самым, если относиться к высказываниям Г.-Г. Гадамера методологически, как к правилу, объясняющему любую историческую ситуацию, чреватую поворотом, то последний рождается именно в ситуации необходимости обращения к началу. А это означает не просто смену повестки или смену метода. Это означает совершение онтологического действия по восстановлению начала.

Это вылилось в данном случае в предложение – преодоление сциентизма, сдвиг в сторону философии жизни в разных версиях – экзистенциальной философии, гуссерлевской феноменологии жизненного мира, философии поступка Бахтина.

Г.-Г. Гадамер показывает, что поворот в истории философии не наступает сам по себе. Он не является следствием желания отдельного философа. Долж-

на созреть определенная социо-культурная ситуация вызова. В то же время поворот осуществляется осознанно и ответственно конкретными авторами «поворотных» работ, осознающими свою роль в этом повороте.

Осознанность и осмысленность своего действия как нового начала, как поворота, видны и по самим работам «поворотных» авторов. Это видно по таким работам, как «Вклады в философию. От события» М. Хайдеггера, «К философии поступка» М. М. Бахтина, и т. д. Эти работы и по своему жанру, и по своей грамматике выглядят как тексты, манифестирующие новое начало.

Поворот «сидит» на конкретных носителях. И он требует от них необходимости не просто дальнейшего шага, но прежде всего возвращения к корням и истокам, началу, с тем, чтобы далее совершить новое начало, но не повтор, а другое начало, что фактически и проделывали каждый на своем опыте – В. Дильтей, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Л. Витгенштейн, а в России – М. М. Бахтин, Л. С. Выготский.

Наиболее глубоко и ярко о новом другом начале сказал М. М. Бахтин в своей недописанной пионерской работе «К философии поступка», заявив целую программу, отличную как от советского идеологического проекта, как от западной рационалистической традиции, так и от русской софиологии. Работы же Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера он не знал и не мог знать.

При этом, замечает Г.-Г. Гадамер, при осуществлении нового другого начала предлагалось радикально иное каркасное, ядерное понятие, – понятие жизни, поскольку понятие бытия страдало абстрактностью, хотя и было рамочным. Но с ним нельзя было работать.

Но суть дела – не в новом понятии. Новое другое начало предполагало осуществление вновь в новой ситуации повторения опыта начала, опыта Платона и Аристотеля, опыта И. Канта и Ф. Ницше. Другое начало может совершить поворот и обозначить новый горизонт при главном условии – при мышлении о начале, при «продумывании изначального опыта мира».

Если выделять ключевой признак, показывающий, что желаемая социо-культурная ситуация сложилась и назревает поворотность, то таковым выступает главный – дефицит мышления. Мы вновь разучаемся мыслить, то есть понимать, что происходит в мире, что происходит с нами. Нужно вновь начать мыслить, обращаясь к началу. Нужно свернуть с магистрали на тропинку и идти по нехоженой, извилистой дорожке, чреватой поворотами, дабы попасть к источнику.

Поворот означает сход с магистрали на неторную дорожку. Чтобы снова начать, надо вновь найти утраченный источник. Надо свернуть с магистрального движения в сторону, но свернув, ты попадаешь на неторную тропу. Поворот суть отказ от последовательности и поступательности движения и отказ от привычки вести историю в жанре рассказа о последовательных событиях. Поворот – это не новая глава в многотомной истории мысли, представленной как многовековой единый процесс. Повернуть – значит закрыть ранее написанную книгу и вновь начать писать историю с чистого листа.

Я склонен думать, что такие «веховые», «поворотные» авторы XX века, как М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер вообще мыслили всегда поворотами, постоянными изгибами. Их мысль сродни ходьбе путника, идущего по извилистой дорожке. А их переживания в мире мысли схожи с пре-

быванием этого самого путника в чужом лесу, в непроходимой чаще, на проселках, тропинках, нехоженных тропах [Хайдеггер 1993].

Соответственно поворот означает эту самую событийность, которая в своем существе есть факт возвращения бытия, которое в свою очередь «требуется человека».

На фоне многочисленных разговоров о различных поворотах на ум приходит то, что вообще-то само по себе философствование есть поворот, то есть возвращение к первоосновам, к началу, к самому себе. П. Адо, обсуждая опыт философствования в античности, обращал внимание на то, что он представляет собой опыт обращения к началам посредством духовных упражнений, практик заботы о себе, опыт *ἐπιστροφή*, опыт возвращения к началу, к истоку, посредством которого, обращения, возможно преобразование себя. В латинском варианте это означает конверсию (*conversion*). И то, и другое предполагает как самое простое – изменение точки зрения, изменение мнения, так и глубинное – преобразование личности и переворот сознания. В пределе, и здесь вступает в дело еще одно понятие, метанойа (*μετάνοια*), такой переворот предполагает покаяние и «умопремену», перемену ума, трансформацию мышления, переустройство всего строя личности [Адо 2005: 199 и др.]. Конверсия в латинском или эпистрофе в древнегреческом означают главный смысл практики заботы – чтобы пережить и прожить перерождение и возрождение, необходимо вернуться к первоначалу. Перерождение личности невозможно без обращения к родовым истокам. Вся античная философия с точки зрения французского исследователя означала практики духовных упражнений, а не построение доктрин, а в основании этих упражнений лежал опыт заботы о себе. На этом строится богатый репертуар упражнений².

В христианской традиции такая практика была продолжена. Она легла в основание канона монашеской духовной аскезы. На этом строится далее и участный органон аскезы и молитвенных практик³.

За христианским и античным горизонтом стоит еще более дальний горизонт, горизонт большого Мифа, архетипичного для всех первобытных культур. Это горизонт родового начала, приобщение к которому выступает обязательной практикой мифа, живущего в ритуалах приобщения и обращения. Рождение человека и его дальнейшая жизнь связаны с его приобщением к сакральному истоку. Посредством ритуалов перехода (разного рода лиминальные пограничные практики), приобщаясь к родовому началу, человек становится реальным в этом мире. Без приобщения к сакральному началу человек и род не мог считаться действительным, существующим. Собственно приобщение к началу творения и есть поворот, предполагающий вечное возвращение

² Если П. Адо рассматривал античный опыт в академическом ключе как университетский профессор, то уже М. Фуко относился к этому опыту через призму современной ему ситуации. Он разрабатывал свой проект практик себя на основе изучения опыта заботы о себе у римских стоиков и в раннем христианстве в качестве образца для современной ему ситуации, требующей нового начала, поворота, который необходимо осуществить, опираясь на богатую духовную традицию в духе: нам всем необходимо самих себя переначать. Поворот понимался им уже не как смена эпистем (историю которых он ранее описывал), а как опыт переименования себя, опыт перемены ума и строя личности [Фуко 2007].

³ В работах С. С. Хоружего проделана работа по реконструкции православного участного органа, на котором должна выстраиваться практика аскезы личности [Хоружий 1998].

к началу, что выступает сердцевиной жизни в мифе. А миф живет через ритуалы приобщения и обращения (см. [Элиаде 1994]).

Исследователь мифа М. Элиаде делает вывод:

«<...> в конечном итоге желание восстановить Время начала – это желание пережить время, когда боги присутствовали на земле, обрести сильный, свежий и чистый Мир, такой, каким он был *in illo tempore*. Это жажда священного и одновременно ностальгия по Бытию» [Элиаде 1994: 63].

Базовый инвариантный сценарий поворота тем самым выстраивается на основе действия, заложенного в ритуале приобщения к началу, в коем воспроизводится это начало, но на новом, современном повороте материале. Каждый носитель поворота должен в этом акте (актах) поворота возрождать исходное сакральное начало творения мира. Поворот есть аналог нового рождения начала. Если этот базовый сценарий в объявленном повороте не закладывается и сознательно не выстраивается, то он редуцируется в манифесты, теоретические дискуссии, переименования и перестановки имен и порождение большого количества не всегда содержательных текстов.

Ю. А. Шичалин тонко подметил, что культура в принципе имеет своим конституирующим началом парадигму возвращения, обращения к своему истоку, началу [Шичалин 1994]. Возвращение, эпистофе, вообще суть необходимый момент рефлексии, готовность культурных форм (в том числе философской мысли) к осмыслению своих начал и потребности вновь ощутить, нащупать свою почву, твердь, от которой надобно вновь оттолкнуться в моменты распада и забвения и идти дальше. Постоянный пересмотр своих начал суть необходимое условие вообще существования культуры.

В свою очередь и эпистофе выступает частью триады, базовой схемы, по которой и выстраиваются большие периоды истории, как это и было выработано в неоплатонизме: сначала период *пребывания* (*μονή*), процесса, ровного течения, затем период *исхождения*, (*πρόδος*) отказа от себя, дробление на части, побеждают центристремительные силы, затем *возвращение* к началам (*ἐπιστροφή*), восстановление утраченной целостности [Шичалин 1994: 11 и др.]⁴. Изначальное пребывание бытия в силу своей полноты провоцирует исход из себя онтологического избытка за свои пределы, дробление полноты на части, отступление от себя, выход из себя. Затем в силу обратного процесса, онтологического недостатка, предполагается возвращение к себе, к изначальной целостности [Шичалин 1994: 11].

Многие повороты в XX веке были связаны со сменой тематики, языковыми играми, сменой повестки, но не всегда обращались к базовому сценарию поворота, предполагающему возвращение к началу и попытку восстановить новую целостность мира и вернуть человеку его место. Ведь сам поворот начинается с осознания самой ситуации – ситуации хаоса и утери целостности мира, утери человеком смысла и духовных опор, утери способности мыслить свое начало. Это принятие ситуации утери понимается «культурным героем» (его персонификациями – поэтом, философом) как личное культурное

⁴ Ю. А. Шичалин вообще считал возвратную модель базовой в истории культуры, поскольку она, будучи отработанной на античном материале, затем многократно повторялась в истории [Шичалин 1994: 10]. Затем трехчастную модель пути к себе (пребывание – исход – возвращение) через практики богообщения стали применять исихасты на личном молитвенном опыте.

задание, как знак судьбы. И тогда поворот выступает как ответ на этот вызов, как выполнение им этого задания. Носитель поворота претендует на то, что он выстраивает, восстанавливает на себе, собой, через свой опыт, новое начало мира, дабы выработать ответ на радикальный вызов – грядущий хаос и конец мира.

Поворот всегда предполагает праздник возрождения, собирания человеком себя в точку и центрирование мира вокруг духовных опор на новом жизненном материале, в новых формах жизни, но это все равно собирание мира в целостность. Но потому он и осуществляется, что носители поворота чувствуют необходимость этого шага собирания мира на самом себе.

Можно сказать, что в XX веке фактически на разном материале и в разных версиях совершалась одна большая попытка осуществить такой поворот – антропологический поворот, тянувшийся в течение всего века, начиная с работ В. Дильтея, Ч. С. Пирса, М. Шелера, М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна, Э. Гуссерля, К. Ясперса, М. М. Бахтина, Э. Кассирера, Г. Плеснера, С. Л. Франка, М. Бубера, Л. С. Выготского, П. А. Флоренского и заканчивая работами позднего М. Фуко, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкого и далее С. С. Хоружего и других авторов возрождения философской антропологии.

Представители антропологического поворота фактически осуществили попытку радикальной переориентации философии в целом, не только смену повестки. Такая переориентация не может быть сведена к созданию отдельно взятой, очередной, философской дисциплины и не может осуществиться в рамках одного исторического такта.

Фактически этот долгий, длящийся в несколько этапов, не законченный до сих пор, проходящий с перерывами и паузами и вновь возобновляющийся антропологический поворот может быть рассмотрен как рамочный для всех выше названных поворотов, поскольку именно он претендует на восстановление целостности мира и его сохранение через возрождение человека, его целостности, возвращение человека к своему бытию и предназначению, посредством восстановления его места в мире и его родовых духовных начал. Все остальные повороты – суть его манифестации, воплощающиеся в поиске нового инструментария, новых способов, методов, нового языка, новых средств его осуществления. Потому XX век и кажется богатым на разнообразные повороты, поскольку все они пытались преодолеть обнаруженные у человека дефициты – языка, понимания, средств познания, объяснения, средств действия, воображения, представления, способов обретения и построения своего места в мире. Человек в течение всего века обнаруживал в себе самом тотальный дефицит, тем самым подтверждая вердикт М. Шелера, констатировавшего, что человек, увлекшись познанием и овладением мира, самого себя до сих пор и не знает.

Условно говоря, названные повороты суть перформативы, акты исполнения одного, антропологического, поворота, его формы представления и манифестаций. А потому они никак не заканчивались и всякий раз проявляли себя в новой ипостаси, поскольку они были проявлениями онтологической недостаточности человека, ищущего постоянно свое новое начало.

На этом фоне лингвистический или риторический, прагматический или биографический, повороты выглядят как метафоры, брошенные тем или

автором, акцентирующим внимание на очередной обнаруженный дефицит, означающий, что мы еще не обсудили эту тему, или эту, а они крайне важны, актуальны, а человек, мол, испытывает крайний дефицит средств для разговора на эту тему – и тем самым разворачиваются целые направления исследований.

Вернемся к Бахтину. На фоне обозначенного контекста переинтерпретируем сказанное выше про испытание Бахтиным.

В течение всего XX века рождались, развивались и уходили в историю различные направления и школы, заявлявшие об очередном повороте – коммуникативном, лингвистическом, риторическом, прагматическом, биографическом и проч. И всякий раз, когда обращаешься к манифестам авторов этих новоявленных поворотов, испытываешь их и себя на прочность, на точность и глубину проникновения, проверяя и то что было сказано и показано Бахтиным. Всякий раз его идеи проходили проверку-испытание этими поворотами, показывая, что он опять был прав. А представители поворотов уходили в ту или иную редукцию, увлекались очередным открытием, упуская главное.

Во времена новых поворотов происходило двойное, встречное испытание – испытание самого Бахтина, его мысли, и испытание Бахтиным. На проверку оказывалось, что Бахтин прав, что он смотрел глубже и точнее, а представители поворотов открывали то, что было им открыто до них, задолго до них, и гораздо точнее их.

Русский философ осознанно воспринимал и выстраивал свою мысль в категориях возрождения начала. Такая позиция прослеживается через всю его жизнь. Начиналось это еще со студенческого кружка «Омфалос» (Пуп земли), в Санкт-Петербургском университете, в котором он участвовал вместе со своим старшим братом Николаем (будучи вольнослушателем университета). На кружке они вполне осознанно выстраивали свою программу как программу Возрождения культуры, истории, философии, примеряя идеи античности на себе.

И уже в конце жизни в дневниках он пишет снова о возрождении.

«Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит и в безграничное прошлое, и в безграничное будущее) ... Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения. Проблема б о л ь ш о г о в р е м е н и» [Бахтин 2002: 434–435].

Бахтин сам пережил испытание Большим временем. Понимать и испытывать себя Бахтиным – значит понимать и улавливать Большое время. А это время ты начинаешь чувствовать через его мысль, воплощенную в слове, которое выступает сложно устроенным органом понимания времени. Потому важно не умереть в Бахтине, его текстах, превратившись в его бесконечного толкователя и комментатора, а, испытывая себя, увидеть сквозь него тот источник, рождавший мысль философа, увидеть, почувствовать и пережить вновь новый праздник возрождения.

Литература

- Адо 2005 – Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. 448 с.
- Бахтин 1996 – Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х-начала 1960-х годов. М: Русские словари. 1996. 732 с.

- Бахтин 2002 – Бахтин М. М. Собрание сочинений. «Проблемы поэтики Достоевского». 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
- Гадамер 1991 – Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
- Смирнов 2025 – Смирнов С. А. Повороты в истории философии XX века: смыслы и рамки. Часть 1 // Философия науки. 2025. № 2.
- Смирнов 1986 – Смирнов С. А. Философское сопоставление структуры философии Канта и романа Достоевского // Философские проблемы взаимодействия литературы и культуры. Новосибирск: НГПИ, 1986. С. 115–128.
- Смирнов 2023 – Смирнов С. А. Метод М. М. Бахтина // Человек.RU. 2023. № 18. С. 280–323.
- Фуко 2007 – Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 уч. Году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
- Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. 464 с.
- Хоружий 1998 – Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. 352 с.
- Шичалин 1994 – Шичалин Ю. А. Ἐπιστροφή или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М.: ЛИА «ДОК», 1994. 128 с.
- Элиаде 1994 – Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. 144 с.

References

- Ado 2005 – Ado P. Spiritual Exercises and Ancient Philosophy. Moscow; St. Petersburg: Stepnoy Veter Publishing House; Kolo Publishing House, 2005. 448 p.
- Bakhtin 1996 – Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 5. Works of the 1940s-early 1960s. Moscow: Russkie slovari. 1996. 732 p.
- Bakhtin 2002 – Bakhtin M. M. Collected Works. “Problems of Dostoevsky’s Poetics”. 1963. Works of the 1960s – 1970s. Vol. 6. Moscow: Russian Dictionaries; Languages of Slavic Culture, 2002. 800 p.
- Gadamer 1991 – Gadamer G.-G. The Relevance of the Beautiful. Moscow: Iskusstvo, 1991. 367 p.
- Smirnov 2025 – Smirnov S. A. Turns in the History of Twentieth-century Philosophy: Meanings and Frameworks. Part 1 // Philosophy of science. 2025. No. 2.
- Smirnov 1986 – Smirnov S. A. Philosophical Comparison of the Structure of Kant’s Philosophy and Dostoevsky’s Novel // Philosophical problems of interaction of literature and culture. Novosibirsk: NGPI, 1986. P. 115–128.
- Smirnov 2023 – Smirnov S. A. The Method of M. M. Bakhtin // Chelovek.RU. 2023. No. 18. P. 280–323.
- Foucault 2007 – Foucault M. Hermeneutics of the Subject: A Course of Lectures given at the Collège de France in the 1981–1982 academic year / trans. from French by A. G. Pogonyailo. St. Petersburg: Nauka, 2007. 677 p.
- Heidegger 1993 – Heidegger M. Works and Reflections of Different Years / trans. from German by A. V. Mikhailov. Moscow: Gnosis, 1993. 464 p.
- Khoruzhy 1998 – Khoruzhy S. S. Toward the Phenomenology of Asceticism. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 1998. 352 p.
- Shichalin 1994 – Shichalin Yu. A. Ἐπιστροφή or the Phenomenon of “Return” in the First European Culture. Moscow: LIA “DOC”, 1994. 128 p.
- Eliade 1994 – Eliade M. The Sacred and the Secular. Moscow: Moscow State University, 1994. 144 p.